

Вячеслав Панкратов

**ЭМПИРИКА ЛЮБВИ,
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ...**

16+

Вячеслав Панкратов Эмпирика любви, Евангелие от...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60283446
SelfPub; 2021*

Аннотация

Это книга-размышление, книга-провокация, философский шантаж и одновременно – утверждение, – «попытка независимого исследования», как определяет ее сам автор, которое он проводит сразу в двух эпохах: сегодняшнем XXI веке и пятьсот лет назад в эпоху Возрождения. «Эмпирика любви» – анализ чувств и мыслей современного нам человека; «Евангелие от Макиавелли» – поэтическая драма, которая возвращает нас в реальные исторические события, происходившие в Италии в 1502 году. Так, сравнивая две эпохи и разных героев, автор пытается исследовать две «вечные» и всегда связанные темы человеческих отношений: тему любви и тему организации человеческого общества. Книга удивит читателя нестандартным восприятием жизни ее героев и почти исповедальной открытостью. И она несомненно заставит нас задуматься о том, куда мы придем, если в современном прагматичном и жестком мире забудем о наших исконных устремлениях и чувствах

Содержание

Об авторе	8
Книга 1	11
Явление	13
Тот странный сон...	27
Часть 1	35
1. Влюбленный младенец	36
Айке	36
«Взгляни в глаза, ты их запомнишь...»	37
«Золото кулонов и часов...»	38
«Люблю! Люблю огромно! Вечно!	39
...»	
Черта зверя	40
«...С любимыми не расставаться...»	44
««Той женщине, что любишь до	45
конца...»	
««Я все время люблю тебя...»	46
2. В поисках потерянного	48
«Зачем ты прячешь от меня глаза...»	48
«Скажи мне имя, имя – это счастье...»	49
Было	50
Не проходит	54
Ночи тебе	56
Письмо без адресата	66

Часть 2	69
1. Очарованный	70
«Змейкой тело, грудь, соски...»	70
«Молчит, волнуется, смеется.....»	71
«Сплетенье рук, волос сплетенье...»	72
«Зачем любимых мы бросаем...»	73
«Те пряные губы – загубят...»	74
2. Искренность	77
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Вячеслав Панкратов
Эмпирика любви,
Евангелие от...

*В оформлении издания использованы фрагменты картин
Григория Майофиса (Санкт-Петербург)
Автор выражает большую благодарность д.ф.н. Миллю-*

гиной Е. Г. (Тверь) за помощь в редактировании этой книги.

Авторские права защищены: свидет. о публик.
№ 107060600157 от 06.06.2007 и № 119070300546 от
03.07.2019 Российского Союза Писателей

Об авторе

Вячеслав Панкратов – инженер-ракетостроитель, конструктор, испытатель, музыкант, поэт, руководитель экспериментальной проектной организации, член Российского Союза Писателей.

Музыку и технику он полюбил в раннем детстве, первые стихи написал в двенадцать лет, спектакль по своему сценарию поставил еще в школе в пятнадцать.

В студенчестве он изучал инженерию, играл на сцене и писал музыку для студенческих спектаклей. Так была написана музыка к поэме Р. Рождественского «Реквием», к спектаклю по роману А. Грина «Дорога никуда», к инсценировке по повести Б. Лавренева «Ветер». Уже работая инженером, В. Панкратов проектировал и строил, проводил испытания, пересек страну с запада на восток и с севера на юг, изучал людей, писал стихи и прозу, преподавал, написал пьесу в стихах «Евангелие от Макиавелли», и при этом никогда не собирался становиться профессиональным поэтом, считая, что профессия у него есть, а публикация его произведений вряд ли возможна из-за их явного несоответствия официальным догмам конца XX века.

И только после разрушительных девяностых, переосмыслив написанное, Панкратов издал свою первую книгу «Энтропия начал»(2005 г.) – поэтическое исследование о ста-

новлении молодого человека в переломные годы России.

Построенная как сюжетное повествование, сочетая разные стили, утверждая свободу стихосложения, как право человека на свободу мышления, меняя ритмику и настроение, эта книга заинтересовала первых читателей настолько, что половина тиража исчезла еще в типографии и до сих пор встречается в интернет-магазинах и на сетевых порталах помимо воли автора.

И вот – вторая книга «Эмпирика любви, Евангелие от...», состоящая из двух произведений, и снова – художественное исследование, посвященное уже «вечным» темам человечества – любви и организации человеческого общества. И это сочетание – не случайно: и то, и другое автор осознает как единое целое общей системы человеческих отношений.

«Эмпирика любви» заметно перекликается с «Энтропией начал». Она так же сюжетна и возможно «биографична», хотя автор и предупреждает читателя не отождествлять автора и его героя, фрагментарна, потому что лепится из мозаик самой жизни, искренна до откровения, лирична, порой трагична, порой – иронична, как и сама любовь в жизни людей. «Евангелие от...» – та самая литературная пьеса о Макиавелли, написанная еще в начале восьмидесятых, и она, так же, как и «Эмпирика», постоянно изменчива в движении мысли и чувства, постоянно варьирует ритмику, стихи и прозу в поисках поэтической гармонии, совершенно необходимой, когда речь идет о таких животрепещущих темах,

как любовь, искусство и общество.

Это книга-предупреждение, книга-провокация и одновременно утверждение. Она удивит читателя нестандартным восприятием жизни ее героев и почти исповедальной открытостью. И она несомненно заставит нас задуматься о том, куда мы придем, если в современном жестком и прагматичном мире забудем о наших исконных устремлениях и чувствах.

Алина Грэм

Книга 1

Эмпирика любви

Явление

*Истина рождается не в спорах, а в муках, как
все живое.*

– Решил сказать?..

Он вышел из стены,
как будто проживал там постоянно,
прошел сквозь книги, подошел к столу,
рукой пошевелил черновики
и комнату обвел скользящим взглядом,
как будто что-то отыскать хотел.
(Простой костюм, спокойные глаза,
руки неторопливые движенья
и проседь темных выющихся волос).

– Решил сказать?.. Но ты уже писал,
и отложил... Опять упрятал в стол?..
Чего-то испугался... но чего?..
Разрушить тайну первых ощущений?
В словах увидеть слабости свои?
Или, быть может, начал сомневаться,
что не дойдешь до нужного конца?

– А разве в этом могут быть концы?..

– Да, могут быть... Но ты на слове ловишь:

концы – везде, и нет конца во всем.
Ты написал об этом в «Энтропии»:
концы Концов – источники Начал, —
магическая формула движенья.
Но там Начала было из Концов,
а здесь с чего собрался начинать?
С каких концов?.. «Эмпирика любви»?..
Эмпирика?.. Всему начало – опыт?..

Он посмотрел с улыбкой на меня
И не преминул вслух поиздеваться:
– Где здесь концы и есть ли здесь начала?
Какая нота в этом прозвучала?
Какую тему развиваешь, для?
Быть может лучше начинать с нуля?

– С нуля чего?
– Ну, может быть, сознания?
– С большого взрыва?
– Э-э, куда хватил!.. Вселенский хаос?..
– Да... И в нем – Любовь...

Он вдруг задумался и даже погрустнел:
– Хотя... Все начинается со вспышки:
Желанье видеть, удивляться, жить,
Ну и конечно – первая любовь...
Лишь позже начинаем разбираться
Любовь ли это, или увлечение,
Или, быть может, – страстная любовь?

Петля любви... Любовная петля...

Он усмехнулся, глядя мне в глаза
и снова осмотрелся (где бы сесть?),
но вместо стула подошел к окну
и посмотрел сквозь черное стекло.

– Поэзия... – распахнутое знамя
твоей души и музыка сердец,
и отзвук сокровенного желанья,
и низвержение серости людской,
и лучший способ познавать пространство,
и метод воспитания души...

Поэзия!.. Чего в ней только нет?..
И ты решил в ней повторить любовь?..

– С чего ж начать, когда движенье вечно?..

– Ну, а тогда... Не с самого ль себя?..
(Он вдруг чихнул и наконец-то сел,
но не на стул, присел на подоконник.)
«Вот книжный червь, – подумал я о нем,
а он сказал:

– Опасное решенье!..

Перед людьми предстать и – нагишом,
со... первых слов еще, со... первых звуков,
неловких, неуклюжих, как щенки,
ну а порой так попросту противных:
младенца рев, пеленки, ползунки...

взросление, потом открытие мира...
Потом бродил мальчишкой по асфальту
и арии, как Моцарт, распевал,
легко переходя из лада в лад
и по руладам поднимаясь к небу.
Как там просторно!.. помнишь, как летал?..

- Пока что не забыл...
- Что ж опустился?
- Восторг не бесконечен, как слова.
- Вот видишь, значит есть концы во всем.
- И снова начинаются Начала...

– Ну да, конечно, – засмеялся он. —
А дальше помнишь?... Первые стихи
ты написал едва ли многим позже,
и так же тебя музыка вела.
Другая муза... траурные марши:
Шопен, Бетховен плыли по стране.
Везде со стен домов свисали флаги
венозной кровью с черною каймой,
и люди проходили словно тени,
как будто потеряли свет и небо,
и плакали по своему Вождю,
еще не зная, что ушел Тиран.

- Тиран, Хозяин, Вождь... и Властелин...
- И все ж – Тиран...
- Или Наместник Воли,

необходимой людям, чтобы жить.

Он посмотрел в глаза мне напрямик:

– Почти что Бог?... Ты помнишь те стихи?

– Увы, забыл.

– Нисколько не жалеешь?

– Жалею... Все же было б интересно
взглянуть на то, что написал в двенадцать
при ощущении рухнувших небес.

– А-а... значит было это ощущение? —

– Конечно, было... Но потом ушло...

– Но многие еще теперь жалеют,
что государство потеряло Волю
и в хаос обратило все мечты.

– Мечты, мечты... так много изменилось,
полопалось, перекрутилось в мире,
издергалось, и былью поросло!..

– Иронизируешь?.. Не над самим собой?..

– И над собой и над прошедшим веком:
он многих одарил не той мечтой.

Он усмехнулся и слегка кивнул:

– Да, к сожаленью, много в нем бывало
контрастного... Такие времена:
война, победа, зов преодоления,
и достижение новых идеалов,
и многое, что рухнуло потом.

Мы оба помолчали. Ночь текла,
как темная река перед глазами,
и в ней всплывали памяти куски
фрагментами, как на стенах собора.

– Но почему от музыки ушел ты?
– Не уходил. Скорей она сама
вела к стихам, от звука к смыслу слова,
из слов и звуков проросли стихи.

– Да, в музыке, увы, нехватка слов:
раздолье чувств, но нет конкретной мысли.
Страданья, ужас, ненависть, любовь,
тоску, мечту, спокойствие, томление,
нирвану, ощущение полета, —
она все может!.. Может возбудить,
и передать, и натолкнуть на мысль,
но вот слова, ей это не подвластно...

– «Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи...»¹

– Ну нет, не повторяй!
(Он даже ртом подернул с неприязнью.)
Из сора вырастает только сор!..
Парадоксизм, неточность выраженья,
красивость мысли, но, увы, не мысль:
прекрасная приманка для наивных.

¹ Фраза из стихов Анны Ахматовой.

Недаром с ней так спорила Марина.²
Вот Спенсер³, тот точнее излагал:
от чувства к звуку, а от звука к слову...

– Примерно так...

– И ты тогда решил?

– Нет не решал, сначала просто пел,
но как-то реже подходил к роялю
и чаще в тишине искал слова.
Потом прорвалось, но коряво, с болью.
От этой боли и пошли стихи.

Он головой качнул и прочитал:

«Где-то за околицей,
где туманы сходятся,
где нависли грустные стога,
диск луны серебряный
вышел посеребривать
мокрые речные берега.

Звезды всплыли мятые,
как снежинки ватные,
лес затих, плеснуло на реке.
Первое признание,
теплое дыхание,

² Имеются в виду разногласия между Ахматовой и Мариной Цветаевой.

³ Герберт Спенсер, английский философ середины XIX века.

губы на щеке...»

Надеюсь, ты хоть эти не забыл?

– Нет не забыл, хотя – «серебровато»...

– Ну, перестань, – двойное серебро:
серебряное серебрит пространство.
Да и потом – не рифма суть стиха...

Он помолчал и глубоко вздохнул:
– Любовь и боль – вот верные подруги!
Двулика монета всех вещей.
Об этом в мире написали столько,
что можно Гималаи создавать
и, к сожалению, только повторяться.
И ты в словах готов соревноваться
со множеством писавших?.. Сколько их!..

Катулл, Петрарка, Сапфо, Ариосто,
Ростан, Лукреций, Лорка, Буало!..
Не говоря, конечно, о Шекспире
или о тех, кого он подменял:
(Шекспир, или лорд Бэкон, мудрый лорд?)⁴

⁴ Френсис Бэкон – английский лорд, философ, писатель, государственный деятель первой половины XVII века, основоположник эмпиризма; существует мнение, что многие произведения, приписываемые Шекспиру, написал Бэкон или группа молодых литераторов под его руководством.

...Одних имен в года не перечислить.
И это только тех, кого успело
заметить человечество в себе.
Ну, а других – тех просто океан!
Архипелаги человеческих чувств!
И слов, и снов, и «бредов», и волнений...
И все ушло, втопилось в мир людской

– Не все ушло. Что – лучшее, – осталось.

– Ну да, еще осталось кое-что...
А что Любовь – Само-уничтоженье,
об этом хоть бы кто-то написал...
Быть может ты?

– Пока что не успел.

Он грустно шевелюрой покачал
и... поудобней сел на подоконник:
– Любовь и слово, музыка любви,
любовь – мечта, любовь – очарованье,
любовь – надежда и любовь – борьба,
и, наконец, – корыстная любовь!..

Воистину двулика монета —
орел и решка: там любовь, здесь боль,
скользящие из одного в другое,
как Мёбиуса гибкая петля.
С одной пласты сползаешь на другую,

не замечая, как туда попал,
и иногда не зная, где живешь:
в любви или на темной стороне...

Готов соревноваться?..

– Нет, не так:

сказать то, что другие не успели,
а может быть боялись рассказать.

Он усмехнулся:

– Даже папа в Риме

провозгласил, что Бог и есть Любовь.

– Ну, Библия сказала это раньше...

– Не ищешь ли ты бога?

– Вряд ли... нет.

Теперь уж нет, а раньше – может быть...

– Ты женщину тогда боготворил,
и бог любви кружился над тобою,
как Херувим. А кто в тебе витал?..
Мечта любви?.. Красивая мечта...

Ее все ищут, мало кто находит:
любовь давно сменил меркантилизм,
и чувства подменяются рефлексом,
дающим нам возможность выживать...
А ты задумал чувства утверждать
в пришедший к нам утилитарный мир,

где деньги стали выше всех амбиций,
а первенство – превыше всех идей?..

– Но всех роднит желание любви...

– Любви к себе, или любви к другому?..
Забывшим все не боишься стать?

– Забытым – нет, нечитанным – пожалуй.

– Да-а... это так... Особенно теперь.
Идя «вперед», пришли к капитализму
и получили все, что он принес:
войну систем, коррупцию, продажность,
гламур, корпоративные пиры
и, как всегда, обманутый народ.

Мир удовольствий – вот желание века!
Искусство заразилось конформизмом
и вышло с ним на битву против чувств.

– Но в битве без любви другой исход.

– Другой исход?.. Ты думаешь продолжить
что будет дальше за любовью?.. СЕКС!
А, может быть, и больше – ИМ-ПО-СЕКС⁵
или очередная ПАНДЕМИЯ...

⁵ Иммосекс – развитие у женской особи мужских половых органов; здесь – в смысле сексуальное перерождение, мутация.

– А, может быть, – ПРОЗРЕНИЕ ИСКУССТВА?

Он замолчал и наконец-то встал:

– Начни с того, что ты умеешь делать:

свои сомненья в песнях изложи.

С того, как задавал себе вопросы,

и как тебя по ним вела любовь.

Хотя бы вот... —

Он вытянул листы

из вороха на письменном столе

и положил поверх лежащей кипы:

– Так многое порой дают нам сны...

Он двинулся к стене, но обернулся:

– А почему ты не спросил, кто я?

Ведь мы с тобой увиделись впервые.

Но тут, конечно, рассмеялся я:

– Я просто знаю, кто ты... Ты – мой бес,

моя дразнилка, мой упрек пространству.

Возможно даже больше – Люцифер⁶...

Ты – мой Непроходящий непокой...

Он усмехнулся:

– Вот на этом кончим.

⁶ Люцифер – (лат. – «Светоносный»), в римской мифологии – олицетворение утренней звезды (Венеры), в христианстве – падший ангел, Сатана.

Коль разобрался сам, то я пошел...
(Лукавый взгляд, над ним волнистый локон
и серые спокойные глаза).

«Ах, книжный червь, – подумал я опять, —
зачем я для себя – тебя придумал?
Чтоб было с кем мне по ночам болтать?»

– Когда не можешь не писать, – пиши.
Быть может прав тот, кто сказал нам: «Любим!»

И он ушел: шагнул к своей стене
и постепенно растворился в книгах.
В какой из них жила его душа?
В одной?.. во всех?.. И в каждой понемногу?

Я подошел к столу и взял листки,
что он случайно вытянул из кипы,
и снова усмехнулся: «Ловкий бес,
сумел найти, что я не ожидал,
и что он предварял самим собою».

Передо мной лежал мой старый «Сон»:

*«...Который час? – спросили у него,
И он ответил пробежавшим: Вечность!..»*

Тот странный сон...

*Который час? – спросили у него,
И он ответил пробежавшим: Вечность!..»*

Я видел сон...

Мы с девушкой одной,
играя, бегали по закоулкам
какой-то сцены старого театра,
похожего на брошенный амбар:
сдвигали рамы, трогали холсты,
как белки, пролезали сквозь решетки
и драпировку старых декораций,
скопившихся за годы.

Веселясь,
мы шли вперед, за нами шли другие,
и наполняли эту сцену жизни
своими молодыми голосами,
звонящими, как радость удивленья.

Здесь было все: телеги, жернова,
колеса, бочки, седла, этажерки,
канаты, фонари, прожектора,
противовесы, цепи, хомуты
и снова – декорации, столы,
поломанные кресла, канделябры...

И все кругом – как яркий карнавал!

Нам было радостно и интересно,
и в каждом взгляде было удивленье
и новизна, открывшаяся нам,
и все кругом сияло, словно праздник.
Но главное – мы были вместе с ней.

С той девушкой, мы были словно дети,
По сцене и по жизни были вместе,
Рука в руке, глаза в глаза во всем:
Бежали вместе, радовались вместе
Тем новым неожиданностям, что
Дарила обстановка закулисья,

И духом общим связаны, как будто
Существовали в коконе одном,
Нас охранявшем от другого мира.
И в кокон мы впускали только то,
Что нас затронуло и поразило.

Я весь был в ней, она была во мне.
Как это много – духом быть единым
И, как само собою, жить в другом!..

И вдруг... Вдруг что-то изменилось в ней,
Как будто чей-то голос пролетел
Или беззвучно чей-то дух пронесся.
Его не слышал я, но вот она...

Она как будто сразу испугалась
И начала отыскивать глазами
То, что слышала и поняла,
И я невольно начал вместе с ней
Отыскивать вокруг, что так смутило,
Обеспокоило ее лицо.

Кругом толпа играла карнавалью,
И я не мог найти то, что искал,
Не мог понять, что тронуло ее
И что она пыталась отыскать.
И вдруг увидел в стороне мужчину,
В цилиндре, фраке, в шелковой накидке,
С холодными блестящими глазами
И тростью с набалдашником в руках.

Ужели он?.. Я быстро с удивленьем
Взглянул на девушку. Я знать хотел, спросить,
Сказать хотел – во сне сказать не просто, —
Смотрел в нее и взгляд ее искал.
Но не нашел. Она была со мной,
Еще со мной, но взгляд его искала
И неподвижно на него смотрела,
Не отрываясь, словно на судьбу.

Какая связь? Откуда? Почему?
Что тронуло ее? – подумал я.
И почему такое беспокойство

При взгляде на него?.. А он?.. Что – он?..

Он тоже на нее смотрел в упор
Своим холодным, словно мертвым взглядом,
Затем неторопливо на меня
Взгляд перевел, какое-то мгновенье
Смотрел в глаза мне, словно изучал
И понимал, что с ней мы были вместе,
Затем отбросил трость и поднял прут —
Железный прут из хлама под ногами —
И этот прут, как длинный ржавый меч
Послал в меня...

Хотел вонзить, но я...

Я не успел понять его движенья,
Но все же увернулся. Прут скользнул мне
Вдоль ребер справа, сразу под рукой.
Я схватил его, прижал к себе —
Ребристый стержень с грубыми краями.
Но тот мужчина продолжал уже
Тянуть его обратно на себя,
Все так же молча, неподвижным взглядом
В глаза мне глядя, потянул сильней,
Еще сильней. Его глаза сужались,
Рука крепчала, он как будто рос...
И вот тогда, так словно фехтовал я
Уже не раз, я сделал резкий выпад
И стержень, как клинок, вогнал в него.

Сквозь черный плащ, сквозь белую манишку
Вошел он удивительно легко
Ему под сердце, словно грудь его
Была не грудь, а лишь подушка с ватой, —
Чуть дрогнув только в тот момент, когда
Ткань прорывал своим тупым концом.

Мужчина прянул, сделал шаг назад
И начал на колени опускаться.

Я повернулся к девушке. Она,
Вся побледнев, смотрела на мужчину,
И вдруг безвольно стала оседать,
Как будто это ей пронзили сердце.

Едва успел я подхватить ее,
Не понимая, что же происходит,
Что сделал я, и что же стало с ней, —
И что за связь у них существовала
При мне, или, быть может, до меня?...
И здесь пропало все: театр и свет.

... Я с женщиной сидел в пустом кафе,
За столиком, должно быть с близким другом,
Рассказывал об этом странном сне,
Понять пытаюсь, что же значил он.

Внезапно он возник, исчез внезапно,
Внезапно подарил мгновенье счастья

И тут же отнял это у меня...

И почему, хотя был только сон,
Я чувствую его настолько сильно,
Что до сих пор горит моя ладонь,
Сжимавшая тот грубый ржавый стержень,
И кожа на предплечье там, где стержень
Ее касался. Странно... почему?

Возможно, этот сон был в чем-то вещим,
И для меня значительным настолько,
Что даже тело помнило его?

Не знаю, может быть, я был не прав?
Быть может, я убил любовь чужую,
Надежду, романтическую, как сказка,
Пусть даже не желая, а случайно?

В конце концов, я первый раз убил.
И потому, хотя был только сон,
Горит ладонь и кожа на предплечье,
Как будто был ожег на месте том.

Но нет, я помню тот холодный взгляд,
Бесчувственный, немой и неподвижный,
Когда, меня увидев, понял он,
Что у него пути другого нет,
И руку он за стержнем протянул,
И стержень тот в меня вогнать пытался.

– Скажи, – спросил ее я, – почему?
И только здесь я, наконец, проснулся.

.....

Теперь я знаю, то был вещей сон.
Вся эта сцена повторилась в жизни:
И девушка, и тот брюнет в плаще,
Пришедший словно из другого мира,
И женщина, которая была мне —
Хотелось мне так думать – только другом,
И ощущение жаркое в ладони,
И множество находок и потерь.
Но вот никак мне не собраться, чтобы
Все записать, что с нами было в жизни,
И что я в ней прочувствовать успел.

Как жаль, что не смогу я описать
Все те прекрасные мгновенья жизни,
Все удивительное, что встречалось
И часто забывалось по дороге,
И не нашло пути к черновикам.

В ней было много... Часто по ночам
Мне снится прошлое, во сне перевоплотившись,
И снится то, чего не прожил я,
Но лишь предположил или предвидел,
И снится то, что не было со мной
И, верно, никогда уже не будет:

Фантазии мои, мои мечты,
Полет свободный духа над пространством.

Как жаль, что не смогу я записать
И тысячных долей своей же жизни,
Хотя бы самое прекрасное из них,
Так поражавшее мое воображенье
И звавшее опять идти вперед.

Была бы удивительная книга:
Без споров, без идей, без направлений, —
Простая книга, словно сборник песен,
Евангелие от моей души...
И все же я пытаюсь...

Убедительная просьба к читателям не отождествлять автора и его героя. Это несомненно разные личности.

Часть 1

Осознание чувства

*Подтверждением роста —
то, что нам не забыть.
Если б было так просто
всех понять и любить...*

1. Влюбленный младенец

«Мир повторяет все, лишь нас не повторит».
Омар Хайям

Айке

Лучше падать, чем стоять на месте,
Ниже, чем ты есть, не упадешь.
Почему-то подмывает врезаться
В мир большой из облаков и звезд,

И глаза твои – частицы мира,
Пряные, лучистые глаза,
Узнавать за миллионы мильей
И любить одни твои глаза.

Ветром набегают километры,
Дождь в лицо и неба крутизна,
Я бегу, бегу навстречу ветру,
Я ищу, ищу твои глаза.

Может быть, найду их где-то рядом,
Кто-то остановит, коль найду?
Миру в грудь готов влететь снарядом:
Лучше разорвусь, чем упаду.

Только набегают километры,
Снег в лицо и неба крутизна,
Все еще бегу навстречу ветру,
Все еще ищу твои глаза.

Все еще в надеждах и сомненьях
Нежное дыханием шепчу:
Женщина, в людском обыкновении,
Как надежду, я тебя ищу.

«Взгляни в глаза, ты их запомнишь...»

Взгляни в глаза, ты их запомнишь.
Там не гроза, там ходят волны
Чужой души.

Ты не спеши, не думай косо,
В моих глазах свои вопросы
Не вороши.

Ты не играй, не стоит силы,
Мои глаза Земля носила,
Как вешний май.

Ты помни день, в котором вечность,
Ты помни взгляд, где бесконечность

Любви моей.

И если будет, в изломе судеб
Не сможешь правду ты мне сказать,
Не говори, не лги, не надо.
Мне хватит одного лишь взгляда, —
Взгляни в глаза...

«Золото кулонов и часов...»

Золото кулонов и часов,
Золото крестов и куполов,
Золото твоих льняных волос,
Золото июльских абрикос.

Золото червонное, как медь,
Золото кровавое, как плеть,
Золото течет в потоке лет...

Синий цвет ты любишь или нет?

От того, что синяя река,
В синих жилках белая рука,
Синие с серинкою глаза,
Серая с сининкою лоза,

От того, что это небо синее,

Это небо над чудной осиною,
От того, что сини облака:
Синее – в разливах молока,

От того, что синь бывает иней,
А ночами незабудки сини...
Синий цвет...

Ты любишь или нет?

«Люблю! Люблю огромно! Вечно!...»

Люблю!
Люблю огромно! Вечно!
Как любят дети всех времен.
Как любят —
только в Человечестве,
Простите мне, опять влюблен.

Что – мир сейчас! Какие мысли
способны пульс остановить!
Какими мерами исчислить
мое: Люблю, Любим, Любить...

Весна свалилась мне на плечи,
ударила,
до боли зримая.

И даже воздух пахнет женщиной,
прекрасной той, прошедшей мимо.

Черта зверя

Но все рухнуло:

Дороги и машины,
библиотеки и филармонии,
музеи и закоулки,
улицы и витрины,
порталы, мостовые,
кладбища и соборы...

Все рухнуло и смешалось:

Вокзалы и рельсы,
Площади, и скверы,
парки, тропинки,
скамейки на бульварах,
театры и сцены,
музыка и стихи,
небо и воздух,
солнце и облака, —
все!

Все рухнуло и завертелось

в кошмарной свистопляске,
в дикой какофонии звуков,
в воплях и визге:
ребенок и мысли,
родители и знакомые,
эти пряные письма,
разбросанные по кровати,

И женщина – в утреннем халате,
мечущаяся по комнате,
в остервенелом азарте
ущемленного Самолюбия,
в облике оскорбленного Зверя,
лишенного добычи,
кричащая изживотно,
свирепо, рвотно...

Женщина,
лихорадочно прячущая
эти письма под скатерть, —
обиженная, но злобная,
жалкая, но свирепая,
униженная, но яростная,
как дикий хищник,
загнанный в клетку.

Женщина —
в бешенстве Владыки,
теряющего власть,

ненавидящая,
угрожающая,
и зывающая уже только к одному —
Мести.

Как крик роженицы, – «Мести!»
Как крик ужаса, – «Мести!»
Как крик о помощи, – «Мести!»

Вселенский хаос
в солнечной комнате,
разрушающий
и чувства, и сознание, и надежды, —
все...

... Сколько способов
у человечества,
чтобы разрушить любовь?

Мораль общества,
законы и среда,
семьи и родственники,
догмы и формы,
слезы родителей,
глаза детей,
лживые друзья,
бюрократия чиновников...

Честолюбие и спесь,

Самомнение и хамство,
Зависть и гордыня,
Ревность и корысть,
Тщеславие и лицемерие,
Высокомерие, трусость и —
Себялюбие зверя,

Мести!..

И – уже собственное —
недомыслие,
неграмотность,
просто слабость...

И – совсем уже пошлое —
квартирный вопрос...

И – совсем уже низкое, —
низкое, до потери сознания,
до извращения материнства:
запреты на сына,
изменение фамилий,
кликушество на папертях,
письма в РОНО и парткомы
(телевидение еще не разыгрывало шоу грязи)
...ссоры и слезы,
обещания и обманы,
ложь и подтасовки...

Цивилизация – в Действии,
Эмансипация – в Ярости,
Самоутверждение – в Ненависти.
И... ДО – МЕР-ЗОС-ТИ – «МЕСТИ!»

...Так сколько способов отнять,
когда не умеешь дать?
Сколько способов разрушить,
когда не можешь создать?..
.....

...И ни неба не видно, ни земной версты, —
все занесло порошею.
И только внутри – клочок чистоты,
маленький, как горошина.....

...И глухая не проходящая боль
перед обратной стороной мира,
перед открывшейся чертой женщины,
перед двоякостью рода людского.

Черта зверя,
Черта – хищника,
Защищающего Себя...

«...С любимыми не расставаться...»

...С любимыми не расставаться?..

Нет, расставаться, хоть на миг.
Но не прощаться, не прощаться...

...Когда – вдали, среди других,
В работе, музыке и в споре
Всегда носите их с собой.
Иначе...

...Как же ты иначе
Узнаешь кто любимый твой.

**И только позже придут слова, написанные той бо-
лью:**

««Той женщине, что любишь до конца...»»

«Той женщине, что любишь до конца,
стихов не пишешь.
К ее рукам идешь нежней тельца,
как тень неслышим,

И говоришь: Тебя люблю,
возьми дыханье.
И, веришь, дня не оскорблю
другим признаньем.

И, знаешь, мелким не понять
огромность радости
в твоих ладонях засыпать
и утру радоваться.

И не страшней
ни боль детей, ни смерть отца
потери той,
кого ты любишь до конца».

**...И все остальное было уже только поиском той
утраченной и никогда не повторившейся любви:**

««Я все время люблю тебя...»»

«Я все время люблю тебя,
я просыпаюсь и думаю о тебе,
я иду по улице и разговариваю с тобой,
я ложусь спать и вижу тебя.
И я не знаю, что с этим поделать.

И вот я подумал:
Может быть, рассказать об этом тебе?»

Так говорил герой одного из фильмов,
И я подумал о нем:
странные люди,
они не понимают,

что говорят стихами:

«Я все время люблю тебя,
я просыпаюсь и думаю о тебе,
я иду по улице и разговариваю с тобой,
я ложусь спать и вижу тебя.
И я не знаю, что с этим поделать...»

Но скоро я отрину тебя,
Потому что не слышу твоего голоса,
Потому что не вижу твоих глаз,
Потому что не ощущаю твоего дыхания.
И все это давно превратилось
В собственную сказку о тебе,
Прекрасную сказку...
Но разве можно все время жить в сказке,
Даже если она звучит так красиво?

«Я все время люблю тебя,
Я просыпаюсь и вижу тебя,
Я иду по улице и разговариваю с тобой,
Я ложусь спать и думаю о тебе,
И я не знаю, что с этим поделать,

Ибо я – люблю»...

«Любовь – это желание вечно обладать

прекрасным.»

Платон

2. В поисках потерянного

*«Самой первой твоей мукой будет найти ту,
которую ты полюбишь.»*

Овидий. Искусство любви

«Зачем ты прячешь от меня глаза...»

Зачем ты прячешь от меня глаза,
спуская темным веером ресницы?
Твои глаза – как две живые птицы,
как ждущая весенняя гроза.

Зачем ты прячешь от меня глаза?

Не прячь, прошу, я сам тебя боюсь,
боюсь, что снова где-то ошибусь,
боюсь и жду, не зная сам чего,
несказанного слова одного?

Устану ждать, в кулак затисну сердце,
взгляд потушу и взрослым стану вновь,
в анданте превращу пылающее скерцо,
в осадок – нерасцветшую любовь.

Зачем ты прячешь от меня глаза?
Ведь я бы им так многое сказал...

«Скажи мне имя, имя – это счастье...»

Скажи мне имя, имя – это счастье.
Скажи мне имя Бога и Любви.
Среди дождей, ноябрьского ненастья
не бойся, только имя назови.

И дальше – говори всегда стихами
и реже – прозой, можешь даже петь,
пусть так же тихо, как вода в стакане
трепещет перед тем как замереть.

Скажи мне имя. Это – счастье, имя:
твое узнать и в сердце укрепить,

ловить его, как мотылька в камине
и крохами, как эту воду пить.

Лелеять языком, губами трогать,
щекой касаться где-то на груди,
к себе прижать и охранять под тогой
неведомой придуманной любви.

Носить в себе и звуком любоваться
его слогов и гласных, просто петь...
И – боже мой! – уже не сомневаться,
что с ним ты счастлив даже умереть.

Скажи мне имя, это имя – искус,
надежда жить, смеяться и искать.
Секрет ли в том, как остро нежен привкус
желания ласкать, ласкать, ласкать...

Было

*«Лучше падать, чем стоять на месте...» –
было...*

«Зачем ты прячешь от меня глаза...» – было...

«И даже воздух пахнет женщиной...» – было.

...Ссора – не ссора: ночь недомолвок,
мелочных, маленьких, недоказуемых.

Кажется, тени сотканы из уловок
и до конца невысказанных сказуемых.

... Утро – расходимся, пряча взгляды.
День – протаскиваешь ожиданием.
Вечер – многим куда-то надо,
а ты – ягненком, как на заклятие, —
тупо.

Болтаться по улицам не менее глупо,
чем круглым фонарем на столбе.
Еду домой, к себе.

Улицы, здания, люди, парадная,
Ночь,
 чем сегодня порадуешь?
Лестница, дверь, комната, и на столе —
ключок бумаги, ключом прижатый.

Не верю!
Настежь двери,
лестницу – прочь, – в ночь,
улицу глазами охватывая,
ногами хватая ее поперек.
– Стой! (зеленый огонек).
Скорее, вокзал, давай, уезжает!
– Кто? Жена?
– Она, не знаю.
Нажми, папаша. К черту – слова.

Седая качнется голова:

– Нажмем, пожалуй.

Жалуй ли, не жалуй,
но за красными огнями уже не угнаться.
Только расталкиваемые на перроне
пассажиры злятся.
А она – в вагоне.

Мысли – вскачь: что делать?
Небо, земля, пространство, —
все сжатое до предела
рвется протуберанцами:
К делу!

К делу, мысль! К делу, мозг,
мозг, который еще не выдавал.
(Давал, все давал, что было, не пряча.)
Прячу, прячу слезы мужского плача.

Плача ли, стона? Все – внутри.
Снаружи – безмолвен, как безъязыкая
колокольня Ивана Великого.

Улица безликая шевелится силуэтами,
вопросы топорщатся лапками креветок:
чего испугалась?.. Как ты? Где ты?..

Реклама равнодушно пульсирует искрами,

книжные витрины шевелятся мыслями,
упреком своим, недоношено-недописанных,
выплеснутым, как брызги.

Осень колышется аморфнее медузы.

– Что с тобой? – кто-то спросит.

– Не знаю, не могу объяснить.

Мысли – проседью, память – обузой.

Легче – не быть...

В парках – звездами листья кленов
и теплые слитки притихших влюбленных.

Шуршание листьев уже не тревожит,

только ветер множит и множит

прикосновения по шершавой щеке.

А она – налегке... Странно...

Люди и странствия, чувства, пространства —

Странно.

Страны и зодчие, смерти и отчимы, дети и прочее —

Странно.

Странно стареем рано...

И, возвращаясь из поднебесья

того, что мечталось о «Ты и Я»,

думаешь, чем же закончится песня

несостоявшегося бытия?..

.....

... Уже потом,
когда найдешь, чем излиться,
и, кажется, не так уж и одинок,
последней строчкой памяти раззвонится
резвый телефонный звонок.

- Да. Я слушаю.
- ... Ты?..
- ... Я...
- ... Голос вспомнил?..
- ... Все помню...
- ... И я ничего не забыла...

Значит, все-таки – было.
И мысли, нахлынув, заполнят...

Не проходит

Не проходит...
Утро, день, обнимет ночь —
Не проходит.
Фонари гореть устанут,
Новый день в вопросах встанет,
Ворох дел отвалишь прочь —
Не проходит.

Поразишься ли улыбке,

Песне гибкой в струях скрипки,
Голос влажный, голос зыбкий —
Не проходит.

Сам – то тверже обелиска,
То согласней одалиски,
Но далекое, как близкое, —
Не проходит.

Две недели, три недели,
Месяц, сколько ж, в самом деле?
Разрубить пора гордиевы узлы!

Кто-то лечит литургией,
Кто-то режет хирургией,
Знать бы способы другие —
Стать бы злым.

А пока...

Виновата ли природа,
Кровь, генетика, порода —
Словно ветер душу тянет,
Видно, память, стонет память,
Шало тычется в бока,
По несбывшейся любви
колобродит.

Не проходит.

Ночи тебе

Очарование? – переспросила она, глядя на облака над морем, освещенные солнцем.

– Да-а... Вот только разочаровываться не хочется...

Ночь первая

Писать тебе?..

Не знаю...

И поймешь ли?..

День ото дня в тебе – Тебя ищу.

Через себя протаскиваю прошлое,

Как пук колючей проволоки ташу.

Все помню
От мгновенья и до года:
Одессу, Ялту, южную природу...
Как в бухтах тучи строились в фрегаты,
Шатался ветер, дыбились закаты,
Как солнце било, о волну звеня,
Как убегала с кем-то от меня.

А я смеялся:
Убегаешь от себя
И думаешь, что сможешь?
Не любя?

Все помню:
Поцелуй неясный смятый,
Слова людей, облепленные ватой,
Случайный взгляд, улыбку, взмах ресниц —
Переполох кокетливых синиц.

А я шутил,
Я говорил о скуке,
Ты прятала глаза, дрожали руки,
Мне больно было, мир хотел очистить,
И думалось, что счастье – мыслить.

Теперь молчу,
Слова, как графарет,
Ни чувств, ни мыслей не вместили.

Любил тебя? себя?.. Да? Нет?
И как Себя – собой осилить?

Под сводом мыслей, горблюсь, как атлант,
Как недоверием униженный талант.

Любил?.. Не знаю.
Не сказать такое.
Всю жизнь боялся скуки и покоя,
Был жив мечтой – осталась только ты:
Не божество, не гений чистоты, —

Реальность вся, такое не нарушить:
Ловить движенье губ и голос слушать,
Походку узнавать, изгибы плеч
И каждый взгляд в себе беречь.

Ты – легкая, игривая?.. шальная?
Ты – скрытная, надменная?.. стальная?
Ты – нежная, как тени на реке?
Ты – твердая, как булава в руке?

Ты, только – Ты,
Тебя не перечислить,
Желанье видеть больше счастья мыслить.
Бегу в людей, в других, – забыть тебя.
И взгляд в других,
Как новый взгляд в себя.

Молчу, смотрю и удивляюсь снова,
Ночами «опожаренный» брожу,
Улягусь старым, просыпаюсь новым
И от себя в насмешку ухожу.
Трезвею где-то к середине дня,
Твою двуликость и себя кляня.

Потом найдет – огромное, как ветер, —
И трезвым – пьян, усталым – все же трезв.
Но, право! есть ли лучшее на свете:
Любить, надеяться, стараться что-то детям,
Любовью богатеть, как не был даже Крез,
Искать, в своих поступках сомневаться,
Седеть, но все с зарею обниматься,
Вперед лететь, в ошибках падать вновь,
Мечтой будить «закиснувшую» кровь,
Весной волненье чувствовать под кожей,
Быть молодым и где-то старым тоже,
Быть правым где-то, где-то – ложным,
На все и ни на что похожим,
И снова думать: «Быть? Не быть?...»
И, как ни трудно – дальше жить?..

...Что ж чувство?.. Задушить его не сложно,
Оно, ведь, искренне.
Дымить сознанием ложным —
легко.
Мозг – он наемный арестант:
Понять – во времени,

Почувствовать – талант!

А совместить одно с другим в движении —

Такое удастся только гению.

Мир стар, мир этот трудно удивить,

Что от себя в насмешку уходить,

Что прятаться в заботы от идей...

А мне – не впрок, а я люблю людей.

Я откровеннее, и прятаться в горсти

Мне глупо.

 Виноват? – скажу «прости»,

И, хочешь, руки положи на плечи

Бродяги странного по чувствам человеческим.

Вторая ночь

Скажу?

Скажу все завтра.

Но «завтра» – уже «сегодня».

Темная парадная,

Лестница, как сходни,

И хлопающая дверь железного лифта —

Словно гипербола ироничного Свифта.

Десять минут, двадцать, полчаса, час...

В голове – не мысли: брожение, квас, —
Предположения по стенам нависли.
«И ныне, и присно,
и во веки веков, Аминь!» – Сгинь!

Жду. А завтра – уже сегодня.
Темная парадная, лестница, как сходни,
И хлопающая дверь железного лифта —
Словно издевка ироничного Свифта.

И – ты... И все стало дискретно:
Лестница, лифт, Свифт, – конкретно,
Словно на яркой картине Филонова:
Разобрано на части и снова – собрано.

– Здравствуй.
– Здравствуй... Ты здесь?
– Жду тебя.
– Мог бы и не дожидаться.
(Реплика дня, втиснутая в пространство,
как инкрустации «ты» и «я»
от небрежения до протрации).

Идем по улице,
Она – гордо, я – ссутулившись,
И оба – молчащие, как иконы творца,
Бессловесно взирающие с амвона.
«К пра – от – цам!..

Если пришел, надо говорить.
(Быть или не быть? Бить или не бить?
Как бы глубинное не забыть?..
И почему так трудно любить...
Стрельца?)

Что это —
равнодушие? неприязнь? самомнение?
Или защитная реакция души,
выросшая до отторжения?

«Не – спе – ши...»

– Все. Я возвращаюсь назад. —
Чувствую, как напряжено ее тело.
Выдержит взгляд? повернет глаза?
Я же хотел ей что-то сказать?
Но почему на губах узда?
Где запредельность предела?..

– Если хочешь унижить другого,
Прежде всегда, унижаешь себя.
– Да?.. Прощай.

Истинно – зря.

И снова – улица, фонари – в раскачку,
В голове мыслей – вульгарная скачка,
Во рту – пересохло, пресно.

И только откуда-то из груди,
Все осознания опередив,
Давится разудалая песня:

«Не зови, рвать, так сразу, не зови.
Полюбил ты заразу – оторви,
Развесёлейшим глазом удиви,
Но не зови, брат, не надо, не зови.

Если больно, ты напейся, забури,
Прощатайся от зари и до зари.
Это ветер, он качает фонари,
Но не дури, брат, не надо, не дури.

Ты лицо свое улыбкой обнови,
Ты других своей улыбкой одари,
Только память за собою не веди,
Обойди, брат, эту бабу, обойди.

Нет, не можешь? Так себя ты обмани,
Ты ее глаза другими подмени,
Подхвати девчонку, с нею загуди,
Прижимай же, прижимай ее к груди...

Нет, не можешь?.. Даже песня – поперек.
Ногу – в стремя, сколько будет там дорог?
Не забыл ты, как любовью бередит?
Не боишься?.. Значит, будет впереди.

Но, не бреди, брат, не надо, не бреди...»

...Что ж чувство?.. Задушить его не сложно:
Оно ведь искренне.

Дымить сознанием ложным —
легко...

Мозг – он наемный арестант:
понять – во времени,
почувствовать – талант!
А совместить одно с другим в движении —
такое удастся только гению.

Мир стар, мир этот трудно удивить,
что от себя – в насмешку уходить,
что прятаться в заботы от любви...

А я не смог...

Зови ли, не зови...

... И третья

Писать тебе? Не знаю...

И поймешь ли?...

Но все равно опять тебе пишу.

Все понимаю: объяснения пошлы,

И этим перед временем грешу.
Но не жалею,
 не унижусь сожаленьем.
Не тороплю, не требую решения.
Вокзал, вагон,
 я уезжаю снова.
Забудусь старым,
 а проснусь ли новым?

Ну, улыбнись, вернусь я вряд ли скоро.
Ты отдохнешь от надоевших споров,
Поднимешь загражденья на глазах...
А жаль, я не успел тебе сказать
Того, о чем написаны тома:

Любил в тебе – Тебя.
А что – Ты,
 думай-ка сама.

Эксперименты вряд ли стоит ставить,
Я понял все: пора тебя оставить
И впредь не путать страсти и любви.
Нас опыт учит... Долго?...

Виз-а-ви.⁷

⁷ Визави – лицом к лицу, фр.

Проснулся...

Радостен? Доволен?..
Нет, благодарен Вам
За то, что был я болен,
За то, что снова стал писать.
И я с сегодняшнего дня,
Как мысль под этим солнцем волен,
И не боюсь я заболеть опять.

И снова жив мечтой,
И снова – ветры рвитель.
Разочаровываться – Вы боитесь,

А я ищу себя очаровать.

Письмо без адресата

Ну вот,
окончился и високосный год...
Твое молчание, не душит, не тревожит.
Взгляни, улыбка расслабляет рот
и меж бровей давно не морщит кожу.

Я снова – прежний, как в июльском дне:
спокоен, прост, не мучаюсь в сомненьях,
и глаз твоих я не ищу на невском дне,
и для любви в себе не лицемерю.

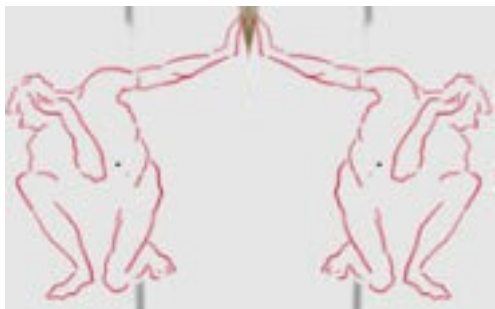
Устал пылать, остались теплые глаза.
На них ладони положи согреться.
Не многое сумеешь рассказать
в улыбке неустроенного сердца.

Но не грусти, что яркое в былом, —
ушедшее – да не затмит стоящего.
Мы все же больше будущим живем
и лишь немного – настоящим.

В ночных часах спокоен пульс Земли,
дыхание ее тепло и истово.
Меня сегодня мягкого возьми,
а завтра —
 подарю себя искристого.

«Не бойся ни любви, ни одиночества; бойся не
понять самого себя».

Алл Пантов

Часть 2

Петля любви

*И разреши женщину из своего ребра,
как Бог когда-то резал из Адама.*

1. Очарованный

«Змейкой тело, грудь, соски...»

Змейкой тело, грудь, соски, —
тушь, эскиз.
Что задумчив?
Поседели виски?

Пальцы вылюбили кожу,
скул базальт.
Там за веками, быть может, —
дым-глаза?

Мякоть-губы,
эти губы – как хурма:,
плод запретный, но пригубленный —
дурман.

Шорох, шепот двух запястий
у волос.
Откровение ли, счастье
прорвалось?

Как дыхание – движение ресниц.
Озаренная, крылатая,

проснись!
Прикоснись губами к векам,
одари, —
в эту ночь свободой ветров
говори.

«Молчит, волнуется, смеется.....»

Молчит, волнуется, смеется...
И сердце бьется под ладонью,
как у птицы,
и тихое дыханье рвется...

Ресницы вздрогнули и губы:
– Ты любишь?
– Да, конечно да.

Сквозь ночь проходят города,
летят снега, идут дожди,
колышутся в надеждах дни,
в надеждах, поисках, сомненьях,
в движении чувств и слов движении.

Взгляд растворился в потолке,
щека – к щеке, рука – в руке.
– Ты спишь, да?
– Нет.

– Но этот свет?...

Холодный свет, лиловый свет
от уличного фонаря,
бледней, чем зимняя заря.
Лучи безмолвьем говорят,
два тела – тесно: грудь к груди, —
нагих, сейчас открытых миру.

А мир молчит, окостенев,
бесстрастен взгляд, гвоздем к стене
прибита лира.

«Сплетенье рук, волос сплетенье...»

Сплетенье рук, волос сплетенье.
Слова сейчас – как преступленье,
лишь – вырванный из тела стон.

В сплошном движении нет движенья,
прикосновенье – как мгновенье,
растянутое в долгий сон.

Мы падаем куда-то вместе?
Летим? Скользим? Плываем?
Не то...
Мы – в вечности,
мы сами – вечность:

мы – всё сейчас,
а все – никто.

Никто!

Осыпались назад
свои же страсти, беды, боли,
вкус меда, горький запах поля,
хулители и дударя.

И только память повторит
сплетенье тел, туман в глазах,
вразлет взметнувшиеся брови
и вкус соленый на губах
твоих ресниц...

Как откровение стихий,
обрушивающихся в стихи.

«Зачем любимых мы бросаем...»

Зачем любимых мы бросаем?
Но как берем!
Ах, жизнь, треклятая, косая,
гори огнем!

К чему стремимся беспредельно?
Судьба, лови!
От скуки разве, от безделья

в твоей любви?

Перенасыщены глазами,
улыбки – блажь!
Ночь – словно целое сказанье,
поэмный раж.

Звучи! Пусть провода немеют
от голосов!
Люби, пока любить умеешь
без тормозов!

И смейся,
господи, блаженство —
твой смех у глаз!
Так низвергаешь совершенства
в ожогах ласк.

«Те пряные губы – загубят...»

Те пряные губы – загубят.
Мазки поцелуев
сильней аллилуй заголубят.
И ласки прекрасны,
но рот лепестковой обмазкой заласкан,
молчит.
А терпкое слово – горчит

и просится криком великим из горла,
счастливым полетом
всех прожитых истин, и горя, и пота.

Кого-то, куда-то
зовут ожиданья, горенья.
Сознанья искрятся под кожей
свершений заложники.

В изгибах любви,
как помятая губка, пожухнешь
и рухнешь подломленный.

Себя выскребаешь из неги,
из мягких коленей,
изгибов лебяжьей руки, —
остаться стремительным хочется.
Часы – коротки,
себя не раздашь на пророчества
и корчишься,
губами обвит.

Но, слава любви! —
она больше того, что дается.
И жжется желание,
и небо охально смеется,
оскаливаясь.

И шепот листвы тополиной,

и руки любимой
отринешь из жизни
и брызнешь под облако,
каленный и резкий —
за голодом,

И Слово – упруго и дерзко —
взвывается в накале высоком,
как пламя,
как песня,
как сокол...

Но как же летать без любви?..

«Легче добьешься в любви конца, нежели умеренности».

Тот же Овидий (Публий Овидий Назон)

2. Искренность

*«О, как убийственно мы любим!..»
Ф. Тютчев.*

1

Так бывает:

в пути вдруг потянет назад,
и еще на бегу, сквозь туманы заснувшие,
обернемся и смотрим себе же в глаза,
тем, которыми были мы в годы минувшие.

Усмехнемся наивности прежних идей,
удивимся количеству нажитых трудностей,
и гордимся,
 что выросло в гомоне дней
из количества выдержки качество мудрости.

В этой жизни, конечно же, стоит любить,
только сердце болит от напора событий.
Мне хотелось порой,
 только нет, не забыть
чьих-то глаз, чьих-то слов,
 откровений, открытий.

И среди суесловий, восторгов, посул,
среди множества ложных и подлинных истинностей,
как награду природы, как гордость, несу
величайшее из достоинств любви —
Искренность.

2

Ника, родная, сложность моя,
прости, о тебе – в конце.
Сегодня, хочешь, разолью моря,
хочешь – горы расставлю в венце?

Хочешь, разбрызгаюсь сверкающим водопадом
или звуком выльюсь в трубе?
Могу изогнуться нежнее радуги...
А, хочешь, – выношенное,
о тебе и о себе?

Время давнее, была осень,
тучи лежали плоские, как стол.
Сестра сказала:
«Жду тебя в восемь,
у Концертного,
за Литейным мостом».

Сколько уж этих филармонических залов
выхожено, выслушано, высмотрено,
и опять?

«Жду тебя в восемь, – сестра сказала, —
и постарайся не опоздать».

Трамвай, мостовая, метро, эскалатор, —
все знакомо десятком лет:

тяжесть Невы в каменных латах,
блеклый, неверный, вечерний свет.

Что там – в прошлом?

Уставшие надежды,

любовь романтика, трагедия бытия,
и где-то внутри – сохраняемая бережность
к тому, что называется «Ты и Я».

– Ты не опоздал? Удивительная картина.

А сейчас придет моя гроза.

– (?)

– Я же тебе говорила, – Нина.

У нее – вот такие глаза.

Правда, ну, правда, же!

Чему здесь смеяться?

Когда она смотрит, – щекочет внутри.

Ну, перестань, перестань улыбаться!

Стой... и смотри.

Семнадцатилетняя,

нащербечет с два короба
от дня сегодняшнего,
до дней сотворения:
и то – здорово, и это – здорово,
не жизнь, а розовое парение.

– Ну, хорошо.
Кого мы слушаем сегодня?..
Что она?..
Пострадала в тридцать седьмом?..
Да... Манера исполнения свободная?..
Музыка?.. Нет... Во мне самом.

– Нинка? Ой – здравствуй!
(Нечто, как офорт,
в платке и простеньком линялом пальтишке.
Скулы, курносость, большущий рот
и глаза... (действительно, – слишком).

Сам же – пуст, как человеческое сердце,
выжатое без остатка – корка лимонная,
умеренность менуэта вместо интермеццо,
конечно же, с обязательными вежливыми поклонами.

– Здравствуйте, Алл.
– Здравствуйте, Нина.
– Все собрались?.. Можем идти?..
Сестра о пианистке: Ты знаешь, Нина,
у нее столько трудностей было на пути!..

(И в том же духе, наивное и правое:
обычный девичий обмен информацией.)
Вестибюль, лестница, гардероб направо...
– Вы заговорились, пора подниматься.

Привычная, приличная, концертная обстановка:
эстрада, «Steinway», шуршание платьев, —
все это – только короткая остановка
в пульсации мыслей тяжелых, как платина.

Но... после Рихтера кем заслушаешься?
Что она так над роялем сутулится?

Сестра:

– Бесподобно! Не может быть лучшего!

Я:

– Напоминает промокшую курицу.

И ты, уже уловив иронию,
брови раздвинув, глазами – в брызги,
смеешься, и даже в смехе – невольное,
глазастое, огромное желание жизни.

Нежность. Сколько в тебе этой нежности,
если льется от прикосновения?

Девочка, осторожней,
я почти безбрежен
в своих фантазиях и представлениях.

Девочка, внимание!

Мне – двадцать шесть.
Я знаю любовь и слышал проклятия.
Девочка, не надо,
жестокость есть
в любой улыбке, любом объятии.

Девочка, ты знаешь, люди меряются
спектром вселенной:

от богов до свиней.

Выдержка – единственное, во что еще верится...
Но девочка – ты оказалась смелей.

Ты приходила, распахнутоглазая
в душевные стены белой больницы.
Я поджимался, – противопоказано
этой девчонке в меня влюбиться.

И все же хотелось, стыдно до жути,
замерзшему сердцу в тепле отогреться.

Славная,

это – слияние судеб?

Быть может только – капризы сердца?

Помнишь, мне больно,
я мучаюсь пошлостью,
мне тошно от косности и равнодушия.
Меня выворачивает самоничтожностью,
и это – страшней лазаретных удуший.

Время исканий – слово не вырвется,
глазами – в стену, часы протрации.
Помнишь? Время дремотно, как идолица,
думаешь только, как не сломаться бы?

И ты, среди измотанных будней,
в системе обычно живущих людей:
спешащих врачей, субъективных судий,
девочка – ты оставалась сильней.

Чем? Не знаю.

Кондовой ли мудростью,
или упорством наивного ума?
Своей незащищенностью в мелочных трудностях?
Чувством? Стремлением?...
Думай сама.

День за днем уходящие месяцы,
многое найдено, многое понято,
вчера – распутываю окоlesiцы,
сегодня, трезвея, раззваниваюсь полднем.

Но только где-то внутри нашей искренности,
скользнула тонкая трещинка неверия.
Хочется, хочется,
надо бы высказаться,
но ты отделилась вагонной дверью.

В ту, уже недавнюю осень

мир продолжал быть холодным и неосвоенным:
ты уезжала к карельским соснам,
я – оставался искать по-своему...

3

* * *

Тишина. Тупая тишина.
В ухо молотком стучит будильник.
Комната: три стенки, два окна, —
Крупногабаритный холодильник...

Черное стекло ползет слезой,
Дождь по крышам и аллеям косит.
Мокрой обезлиственной лозой
По пустым бульварам ходит осень.

Телевизор, бледный глупый глаз,
Отключен, чтоб не гудел эфиром.
В этих стенах не хватает Вас,
Женщина неведомого мира.

А без Вас – ни света, ни пути,
И живешь какой-то мыслью задней.

Это значит – годы к тридцати,
День прошел, и измотался за день.

Это значит – куришь до утра,
Встанешь в семь, к постели тянет в восемь...
Осень, трижды клятая пора,
Голая по крышам бродит осень...

* * *

В этом сумрачном каменном городе,
Где чугунных решеток плетни,
Где вороны мудрее воронов,
Где в холодном тумане огни,

Где молчат купола и соборы,
Где граниты – мертвее льда,
Где сознание взывает упорно
Не к полету, а в землю, туда,

Где отчаянный грохот трамваев,
Словно мат по груди мостовых,
Где дворцы – словно груды сараев,
А творцы – словно толпы босых,

Где на Невском – Европа и гопа,

Где во всем – где порыв, там – скандал,
Словно рухнувший с неба Акрополь...

Там я жил, там любил, там страдал...

.....

...И так – началось: уезжать, прощаться,
но отовсюду к тебе возвращаться
в минуты, когда слаб,
в минуты, когда отчаяние
не разжимает лап,
и дышится только случайно,

когда неверие страшнее прошлого,
когда – людей бы рядом,
да нет ни одного,
а ты свое процеживаешь прожитое,
и кроме сухожилий – ничего.

Кто подскажет, какие отрешенные,
какой дорогой – в какую обитель?
Каждая минута, как жизнь напряженная,
а жизнь – колесом по скользящей орбите.

И только письма с концов России:
мелкие листики слов и прочерков, —
недели и месяцы жизни фиксирующие
в этих коротких не деланных строчках:

... Тверская Русь, мохнатый шум дубов,
Поля льняные, грустные пороги,
Крик галок над крестами куполов
И братская могила у дороги...

...Летим по перегонам судеб,
Ища ответ любимых глаз.
Зачем бежим от тех, кто любит,
К тем, кто обманывает нас?...

... В Ташкенте знойном, как горло домны,
Один орнамент другого красивее.
Я, кажется, все здесь глазами обнял,
Но сам остался в лесах России...

.....
Так ты нужна мне:
всегда бесконечно.
Я твой всегда, зови, не зови.
Приду к тебе из жизни исперченной,
из быта обыкновения ненайденной любви,

Оттуда, где живешь от случая к случаю,
как скучный и пыльный кавказский осел:
то ли – труженик, то ли – мученик,
гений, ничтожество... Или – все?

Сейчас живи, Ника,
тебя не трону я,

не запутаю стропами
душевных тяжб.
Хочешь, Ника,
и сердце стреноженное
у ног твоих послушное ляжет?

Выживу сам, куда-нибудь выбреду —
руку протяну: «На, возьми».
А если жизнь, как отраву, выблюю —
шею подставлю: «Бери, казни».

Нет для меня цензов вернее, —
губы б твои не дернулись болью.
Не было поцелуев чище и нежнее,
но в жизни, увы,
преснеешь без соли.

Живи, Ника. Именем твоим,
хочешь, буду молиться, как верующий?
Живи, Ника,
когда-нибудь напоим
души свои любовью бреющей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.